

ЗИНАИДА ГИППИУС

НЕТ

ВОЗВРАТА

Зинаида Николаевна Гиппиус

Нет возврата

Аннотация

«Наконец, все выяснилось.

Петр Михайлович душе своей не верил: до такой степени отвык чувствовать ее в себе радостной.

Пятнадцатилетняя Леля вышла на террасу вечером, долго глядела на майское угасающее небо за сажалкой, думала, не могла успокоиться...»

Содержание

I	4
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Зинаида Гиппиус

Нет возврата

*Роет тихая лопата,
Роет яму, не спеша.
Нет возврата, нет возврата,
Если ранена душа!*

I

Наконец, все выяснилось.

Петр Михайлович душе своей не верил: до такой степени отвык чувствовать ее в себе радостной.

Пятнадцатилетняя Леля вышла на террасу вечером, долго глядела на майское угасающее небо за сажалкой, думала, не могла успокоиться.

– Вот, возвращаются. И Гриша, и Надя. Боже, какие-то они? Как они теперь на нас смотреть будут? Ведь они герои. Ведь что может быть выше этого? Папа не понимает. Папа только мучился, а я завидовала как! И теперь завидую.

Думала дальше с горечью:

– И зачем я еще маленькая? Зачем нельзя мне было с Надей поехать?

Петр Михайлович три дня суетился, не мог себе места

найти. Ездил два раза в Харьков: бобрики, хутор его, где он жил с Лелей и с сестрой своей, Евдокией Михайловной, находился всего в двух часах от Харькова.

Петру Михайловичу хотелось бы поехать навстречу сыну, в Одессу, но день прибытия парохода не был указан в письме, да и писал Гриша, чтоб его не трудились встречать, что он явится прямо в Бобрики.

Надя ехала не с ним. О Наде Гриша как будто ничего не знал: по крайней мере, в письме о ней ничего не было. От Нади письмо пришло особое, вскоре.

Война еще не кончилась, только что получены были страшные вести о Цусиме, – Леля долго не хотела верить и всплакнула, – а Петра Михайловича вести эти как-то не задели. Скользнули по душе, полной собственной радостью. Дети его, Гриша и Надя, выдержавшие осаду Порт-Артура и недолгий японский плен, – дети его уцелели, дети возвращаются! Душа, утомленная долгим страхом за них, сжатая привычной болью, отдыхала, расправлялась.

Петр Михайлович был простой и трезвый человек. Просто любил свое деревенское дело, просто и сильно любил детей. Когда Гришу отправили на Дальний Восток, – он понял, что иначе и быть не могло. Даже когда его Надя, пылкая, живая, вся точно искрящаяся девятнадцатилетняя девушка написала из Петербурга, что она бросила курсы, поступила в общину и уезжает на войну – даже и тогда он все понял, покорился и только хлопотал, как бы ей деньги повернее переправить.

А потом потянулись темные дни уныния, неизвестности, ожидания и отчаяния... Леля училась в Харькове, но беспрестанно приезжала в Бобрики.

Много было соседей, заглядывали. У всех в этот год на уме было одно...

И вот кончилось, разрешилось. Гриша был ранен – лежал в японском госпитале, выздоровел. Едет. Едет и Надя, сопровождая раненых, поправляющихся офицеров.

– Тетя Дуня! – пристала Леля к Евдокии Михайловне. – Что ж ты, точно не рада? Ведь герои едут! Ты подумай, герои наши! А ты все вздыхаешь.

Тетка подымала от вязания белую голову, глядела на Лелю, улыбалась и опять вздыхала.

– Посмотри, какой папа веселый, – не унималась Леля. – Вон как бегают. Точно ему не пятьдесят лет!

– А мне ведь шестьдесят, Лелечка, – с улыбкой говорила тетя. И вдруг прибавляла тихо и серьезно:

– Страшная вещь война, малая. Страшная.

И опять тихо поникала над вязанием белая голова старухи.

II

Ждали – дождались. Гриша приехал. Вот уж вторая неделя кончается, как он живет дома. Нельзя, впрочем, считать, что он в Бобриках живет: вечно в разъездах, то верхом, то в шарабане. И не по делам, а так, в гости к соседям, в Харьков... И у них теперь беспрерывно гости.

Леля присматривается к брату, присматривается и Петр Михайлович, и все они оба как будто понять чего-то не могут. Петру Михайловичу, хотя он отлично знает, что это Гриша, вдруг начинает казаться, что это не Гриша.

Смотрит с любопытством на широконогого, невысокого офицера, с черной повязкой около ушей, юркого, вертлявого, как кубарь, непрерывно что-то говорящего, что-то рассказывающего о Японии, об Индии, о товарищах, потом опять об Индии, махающего странно руками – и тихо кажется Петру Михайловичу, что это не Гриша. Не соединяет в мыслях этого офицера со смуглым, задумчивым юношей, каким знал Петр Михайлович Гришу. У того были спокойные и живые глаза, у этого глаза бегают, торопятся, взгляд не останавливается, а сам офицер все вертится и куда-то спешит.

Ни одного вечера не посидел с домашними. О Наде путем ничего не рассказал. Вскользь как-то. Да и вообще он странно рассказывал, точно забывал, что его слушают, а так, обрывисто думал вслух. Расспрашивать – ни о ком и ни о чем

домашних не расспрашивал, когда говорили – слушал, кажется, мало. Смотрит куда-то, в свои ли обрывистые мысли, или еще куда-нибудь, потом вдруг заторопится, сам начнет говорить или вспомнит об индийской вещице, которую еще не показывал, принесет.

– Вот несессер, посмотрите! Это я невесте подарю. Хорош?

Если съезжались гости – он непременно в центре; говорил, вертелся, как всегда. И точно он был – он один, а гости, да и Петр Михайлович, и Леля, и тетка, – все вместе, совсем другое. Отдельно были; не смешиваясь – он и они.

Многие, впрочем, с простодушием так и принимали: ведь он – герой, а они что? Он должен быть совсем особенный и делать не то, что другие, и не так, как другие.

Лелю Гриша мимоходом целовал, ерошил ей волосы, которые не ерошились, потому что были заплетены в две длинные светлые косы, болтал с ней какие-то пустяки, а в сущности не замечал ее.

Сразу, чуть не с первого дня приезда, Гриша начал ухаживать за барышнями. Ухаживал неистово и тоже странно: за всеми сразу так, как ухаживают за одной.

Было много соседских; из города тоже приезжали. Гриша барышнями нравился всем: ведь он был такой особенный!

Никто, впрочем, не ожидал того, что случилось.

Однажды Гриша вернулся домой раньше обыкновенного и тотчас же с хохотом объявил домашним, что женится.

– Как женишься? – спросил ошеломленный Петр Михайлович.

– Да так. Она ужасно мила. Ездили мы пикником. Лидия Ивановна, Ракитины, еще кто-то, и Ольга Львовна... Ну, мы смеялись, шутили... Я сделал предложение.

– Предложение? Так, значит, ты женишься на Ольге Львовне?

Ольга Львовна была красивая девушка, дочь ближнего помещика, московская курсистка. Гриша сильно за ней ухаживал. И нравился ей сильно.

– На Ольге Львовне? – в раздумье сказал Гриша. – Отчего на Ольге Львовне? А не на Марье Петровне?

– На ком же, Господи? – И Петр Михайлович беспомощно оглянулся кругом. – Так, значит, на Марье Петровне?

Марья Петровна – другая барышня, за которой Гриша тоже и так же сильно ухаживал. Эта – харьковская, известная Петру Михайловичу с детства, маленькая, хорошенькая, скромная. Леля ее очень любила, хотя считала не слишком умной.

– На Маничке! – закричала Леля. – Да ведь ты с ней двух слов не сказал, Гриша! То есть, я думаю, она с тобой не сказала...

Выходило, однако ж, что Гриша сделал предложение Маничке.

Тетка отложила свое вечное вязанье, поглядела на Гришу и тихонько сказала:

– Ты, Гриша, обдумал ли? Ты ее не обидь. Ее обидеть легко...

Но Гриша уже летел из комнаты. Он соображал, какой первый подарок сделать невесте.

За столом в столовой все молчали. Казалось бы, просто: сын Петра Михайловича женится на Маничке, хорошей, милой девушке. А между тем все было как-то без толку, странно, не то, – и опять Петр Михайлович не знал, как ему дальше поступать. Ехать ли самому к родителям Манички? Или еще пытаться говорить с Гришей, узнать у него подробнее, как, когда, что?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.